

ПАТРИОТИЗМ КАК АЛЬТЕРНАТИВА СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ: ЗА И ПРОТИВ ЧЕЛОВЕКА.

В семантическом поле термина «патриотизм», который в качестве теоретического понятия до сих пор пребывает в известном смысле на нелегальном положении, основное пространство занято идеологическими коннотациями.

В закрытом обществе с жесткими политическими режимами существуют четкие идеологические параметры, определяющие меру и степень личной свободы сограждан, которая, понятно, минимальна; рельефно обозначены оппозиции по принципу «свой - чужой», «белый – красный». Идеология в тоталитарном обществе является маркирующим принципом единения. По отношению к недавнему «социалистическому» прошлому нашей страны идея патриотизма была необходимо консолидирующим фактором, но и одновременно удобным орудием демагогии и обмана.

Более того, на почве именно русской ментальности патриотизм как социально-культурный транслятор «правильной, своей, красной» идеологии расцвел пышным цветом. Имманентной особенностью русской культуры было тяготение к соборности, общинности, превалировании идеалов общественного над личным. Сила и значимость индивидуального определялась не его личностными, особенными характеристиками, а степенью принадлежности к общественному, мерой внутренней ассимиляции социально-идеологического. Организация принудительного общественного консенсуса воспринималась отдельными индивидами не только как вероятно возможная, а как единственно возможная и правильная.

Самым загадочным концептом советской культуры и искусства является их невероятная логика, которая многими вневходимыми адресатами воспринимается как абсурдная. Абсурд можно трактовать как свидетельство неограниченной силы тоталитарного общества: «Риторика политической

репрезентации в большой степени отразила это стремление идеологии к ассимиляции противоречий и абсурдности, которую эта идеология превращала в норму, обыкновенное»[1, С.37]. Важно отметить, что на уровне советской повседневности происходило приспособление к этой ситуации в таком явлении, как «двойное мышление»[2, С. 69]. Речь идет о том, что советский человек был приучен — самым способом своего бытия — забывать о логике, о здравом смысле, о «практическом разуме» и ориентировался на идеи и понятия, которые исключают друг друга. Антагонистическими оппозициями становятся преданность своей семье и преданность родине, профессионализм и карьерный рост, честность и порядочность....

Вспомним методологию М. Фуко, который определял эпохи по принципу сохранения и передачи ими «коллективного бессознательного», что определяет запреты и предписания, личностные намерения в полном соответствии с этим коллективным бессознательным. Дискурсивные практики обеспечивают власть господствующей идеологии посредством идеологической «корректировки» и «редактуры» общекультурных значений той или иной конкретно-исторической эпохи.

Индивидуальное мышление не одного поколения советских людей было воспитано на идеологических «фетишах», воплощающих «реализованный» патриотизм – образы вождей, пионеров-героев, победителей соцсоревнования и т.п. Эти образы укрупнялись, абстрагировались, теряя почву реального индивидуального бытия, обретая не свойственные им изначально мифологические свойства. Вера в абстрактную возможность достижения идеала или хотя бы соответствия ему была призрачной, нереальной, но это не подрывало значимости мифа. Важнее ощущение общей связи посвященных в одну идею, цель, которая гарантировала прочность общественного существования и не давала возможности усомниться в прочности идеологии.

Форма прежнего патриотизма в несвободном обществе была неперсонифицированной, не избранной самостоятельно из множества возможностей, отстраненной от самосознания индивида и потому «удобной»,

снимающей личную ответственность за ложность директивного плана. Психологический эффект массового переживания общего состояния описал Эрих Фромм: «Именно тот факт, что это безумие разделялось большинством, позволяет ему выступать в качестве мудрости, позволяет фиктивному стать истинным. Индивид, принимающий участие в массовом безумии, теряет ощущение своей полной изоляции, обособленности и избегает, таким образом, интенсивного страха, от которого он страдал бы в более прогрессивном обществе. Не следует забывать, что для большинства людей здравый смысл и реальность есть не что иное, как всеобщее одобрение. Если все думают так же, как сам человек, значит, он не «потерял рассудок» [3, С. 191-192].

Для актуального состояния патриотического подъема действительно очень важно единство коллективного переживания, пространство одной эмоции, единой цели, разделяемые всеми участниками безальтернативно. Размеры «действия» становятся гротескно-грандиозными, втягивая в воронку каждого, не давая возможности всплыть, отрефлексировать происходящее, что свидетельствует об утрате критического мироощущения, своей субъектности. Выражая свое личное отношение к фактам вандализма, геноцида в истории, человек, если он не моральный урод, безусловно разделяет общечеловеческую позицию, которая не имеет прямого отношения к личному патриотизму.

В условиях острейшего дефицита высоких жизнеутверждающих смыслов, разрастания экзистенциального вакуума, нагромождения абсурда, скепсиса и цинизма, современного провисания многих общечеловеческих истин, когда отсутствуют четкие демаркационные линии аксиологического свойства, человеку трудно определиться со своими предпочтениями.

В этих условиях охрана традиционных и творчество новых жизнеутверждающих экзистенциальных смыслов является важной задачей философии и особенно такого ее раздела, как этика.

Кто он - положительный герой нашего времени, и существует ли он в реальности как новая модель «сверхчеловека»? Возможно ли подлинное человеколюбие в обществе, разделенном на бедных и богатых, умных и не очень,

просвещенных и невежественных, стариков и детей? Допустима ли «ложь из человеколюбия»? В чем заключается современная идея патриотизма?

Легко бравировать патриотическими лозунгами в условиях военного времени, жесткого противостояния и конфликта, но что должно составлять содержание искомого феномена в условиях относительно мирных и спокойных. Конечно, патриотические чувства – не каждодневные переживания, но, с другой стороны, неверно было бы воскрешать их в условиях исключительно экстраординарных.

К патриотизму нельзя пробиться через баррикады, это чувство нужно воспитывать, прививать, но не как правовую обязанность, но как непреложную истину, помня, что равны мы только под звездным небом и с нравственным законом внутри себя. Патриотизм – это внутренняя ответственность, осознанная, осмысленная, самостоятельно избранная, соотнесенная с идеалами.

Осмелюсь утверждать, что патриотизм не вносится в наш духовный мир извне как общее обезличенное благо, это персональная внутренняя установка сознания и действий. Одно дело, когда в индивидуальном сознании содержание «патриотизма» только известно, другое – когда оно действительно, поэтому обозначим следующие необходимые его свойства:

Патриотизм – отсутствие пассивности души, свободное волеизъявление.

Патриотизм – это гуманизм, это внутреннее обязательство ценить и уважать права других, иных.

Патриотизм – это отсутствие эгоизма в пользу альтруизма, а т.к. эгоизм устраняет всякую ответственность, то:

патриотизм – это реализованная внутренняя ответственность, соотнесенность с результатами поступков, поэтому ответственность коренится в справедливости.

Проблема исследования патриотизма лежит в русле более глубинной общечеловеческой проблематики: самостоянья индивида, его праве на свой модус существования, самобытный, но равновеликий с другими.

Формировать и воспитывать основы цивилизованного патриотизма (проще – внутренней порядочности) нужно изначально в семейном укладе через уважение прав и свобод самых близких и дорогих людей, через привитие привычки отвечать не только за свои действия и слова, но и за поступки своих близких, отстаивая ценности и традиции семейного уклада. И только в этом случае идея патриотизма наполнится понятным, дорогим и личным смыслом, минуя смутный абрис фетиша, не внушающего побудительного личностного действия.

Список литературы

1. Знакомый незнакомец: Соцреализм как историко-культурная проблема. М.,1995. - с. 37; См. также: *Золотонос М.* Исследование немого дискурса: Аннотированный каталог садово-парковой скульптуры сталинского времени. СПб., 1999. 137 с.
2. Кормер В. Двойное сознание интеллигенции и псевдокультура // Вопросы философии. - 1989. - № 9. - С. 65—79.
3. Фромм Э. Душа человека. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2010. 251 с.